

Ирина Леонидовна Багратион-Мухранели

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации
факультета иностранных языков,
Московский городской психолого-педагогический университет
(Москва, Российская Федерация)
mybagheera@mail.ru*

**«ЯЗЫКОМ ВЫСШЕЙ ИСТИНЫ...»:
ОТНОШЕНИЕ К ЕВАНГЕЛИЮ
В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ» А. С. ПУШКИНА**

Аннотация: В статье рассматривается христианский код «Путешествия в Арзрум», который является стилиобразующим началом повести, отличающейся большим тематическим разнообразием. По жанру произведение сближается с древнерусскими хождениями. Оно включает в себя этнографический очерк, батальный, ориентальный и ситуативные впечатления от перемещения в пространстве. Все это уравнивается библейскими именами и ассоциациями, экзистенциальным переживанием сакрального. Пушкин пишет, что Евангелие выступает основанием реальной политики, евангельское слово убедительнее оружия. «Путешествие в Арзрум» оказало влияние на изображение войны Л. Н. Толстым в «Войне и мире», на создание таких хождений XX века, как «Путешествие в Армению» О. Э. Мандельштама и «Путешествие на Афон» Б. К. Зайцева.

Ключевые слова: Евангелие, историческая концепция, война, Кавказ, граница, подтекст, стиль, цикл очерков, жанр путешествия, хождение

«Путешествие в Арзрум» — сложный многоуровневый символический текст. Пушкин достигает нового синтеза документального и художественного. Описывая Кавказ, Турцию, границу империи, военные действия и дорожные встречи и впечатления, автор развертывает мысли, высказанные им еще в рецензии на второй том «Истории русского народа» Полевого и составляющие суть исторической концепции Пушкина.

История древняя кончилась богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. <...> История новейшая есть история христианства. — Горе стране, находящейся вне европейской системы (VII, 146)¹.

Эти слова были написаны Пушкиным в 1830—1831 годах. В середине тридцатых в «Путешествии в Арзрум» он продолжает размышлять о связи истории и христианства, углубляет свое понимание цивилизаторской функции России по отношению к нехристианским народам, усиливает убедительность авторской позиции, отстаивая точность фактов, которым часто придает символический смысл. История для Пушкина неразрывно связана с христианством. Так, он пишет брату из Михайловского:

Библия для христианина то же, что история для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие Истории Карамзина. При мне он ее и переменял (X, 113).

Работа над «Историей Петра» и «Историей пугачевского бунта» идет наравне с кристаллизацией и высказыванием в художественном творчестве религиозных взглядов писателя. В тридцатые годы размышления Пушкина над историей становятся все глубже, Пушкинская религиозная интуиция позволяет ему свидетельствовать об истории как о деле Творца. Но делает это он чрезвычайно тактично. В «Путешествии в Арзрум» он избегает прямых аллегорий или хотя бы четкой символики. Это затрудняет ее описание и анализ в интертекстуальной прозе, какой являются его заметки «во время похода 1829 года». Сложность мотивной структуры «Путешествия» состоит в том, что произведение содержит событийную фабулу и намеченный пунктирно сюжет, основой которого является соотношение христианства с мусульманством и язычеством. В «Путешествии в Арзрум» это одна из главных тенденций.

Многие важные для автора понятия раскрываются перед читателем не сразу. Пушкин рассчитывает на читателя, умеющего продолжать, додумывать сказанное и нарисованное писателем. Лаконизм «бездны пространств» пушкинского слова становится в «Путешествии в Арзрум» по-новому насыщен смыслами.

Такой прием «продолженного контекста» Пушкин применяет сразу, с самого начала. На первый взгляд, предисловие к «Путешествию в Арзрум» Пушкину нужно, чтобы опровергнуть неверные толкования, связанные с его именем, которые

возникли в связи с книгой французского агента Фонтанье, где сказано о том, что некий поэт выступил с сатирическим описанием Русско-турецкой войны 1829 г. Желая расставить точки над *i*, автор уточняет, кто из писателей принимал участие в русско-турецкой кампании. Это А. С. Хомяков и А. Н. Муравьев.

Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление. Но я не читал никакой сатиры на Арзрумский поход (VI, 639).

Здесь, помимо опровержения французской точки зрения Фонтанье, есть еще и указание на то, какова русская традиция описания Арзрумского похода. То есть — это своего рода скрытый эпиграф, намек на то, что стоит искать и в его повествовании. Второе посещение Кавказа было для Пушкина и путешествием к святым местам, и источником вдохновения для создания прекрасных лирических стихотворений («Кавказ», «Монастырь на Казбеке», «На холмах Грузии», «Стамбул гяуры нынче славят»).

В свое время М. О. Гершензон пронизательно писал о соотношении фактов и цели их сообщений в пушкинских текстах², предостерегая исследователей от прямолинейного истолкования стихов и прозы поэта. «Путешествие в Арзрум» — прощание с романтизмом, Кавказом его юности, размышления о начале времен, столкновении цивилизаций, границе между мусульманством и христианством, Европой и Азией. И посещение библейской земли — Арарата, старейших христианских стран — каменной Армении и живописной Грузии, которые напоминают Иудею и Палестину, войной волнуемый Кавказ.

Кавказ привлекал Пушкина еще в юности. 12 марта 1819 г. А. И. Тургенев пишет П. А. Вяземскому в Варшаву:

Пушкин не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною³.

Познакомившись во время путешествия с Раевскими (в 1820 г.) с новоприсоединенными землями Российской

империи, услышав историю пленения одного из казаков, Пушкин пишет свою первую южную, или байроническую, поэму «Кавказский пленник», которая становится в полном смысле мифопорождающим текстом русской литературы. Мотив плена получает развитие не только у Лермонтова, Толстого, но будет разрабатываться и в литературе XIX и XX веков, современном кинематографе.

Пушкин задает парадигму взаимоотношений героев — разочарованный, гордый, но эгоистичный русский и любящая, самоотверженная черкешенка. А в эпилоге — взгляд политика: «Смирись, Кавказ, идет Ермолов». Литературная и политическая линии отношений героев, России и Кавказа соотнесены в поэме. Однако восторженность, с которой поэму приняла русская читающая публика, описания «ужасного края чудес» практически заслонили геополитические размышления поэта. Для публики важным стало то, что черкешенка — совсем не мотивированно — любит героя. И представление о том, что на Кавказе нас будут любить, — будет сохраняться в течение долгого времени. П. А. Вяземский, разделяя приверженность Пушкина романтизму, резко осуждает младшего друга за эпилог поэмы «Кавказский пленник», которая очень нравилась ему в литературном отношении. Он считал, что поэт наслушался разговоров в кругу Ермолова и его администрации и выражал чужие мысли.

Что за герой Котляревский? Что тут хорошего, что он "как черная зараза, губил, ничтожил племена"? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если бы мы просвещали племена, то было бы что воспеть. Поэзия не союзница палачей; политике они могут быть нужны и тогда суду истории решать, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта не должны быть славословием резни. Мне досадно за Пушкина: такой восторг — настоящий анахронизм⁴.

В «Путешествии в Арзрум» не остается ни прямого восхищения военными действиями, ни «покаяния» за байроническую поэму.

Здесь нашел я измаранный список "Кавказского пленника" и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно (VI, 651).

Пушкин не отрицает сказанного ранее. Он принимает гуманистические оценки Вяземского, но идет дальше, заглядывает в суть вещей.

Если для Вяземского важен нравственный и цивилизационный аспекты отношений России и Кавказа, то для Пушкина, зрелого историка, в «Путешествии в Арзрум» важны связь истории и основных положений христианства. К этому автор ведет читателя исподволь, как бы мимоходом.

Говоря о посещении Ермолова, Пушкин сообщает, что опальный главноуправляющий Кавказа язвительно сравнивал своего преемника графа Паскевича-Эриванского с Иисусом Навином, называл его «графом Иерихонским». Пушкин не приводит прямой речи собеседника, мы узнаем это в авторском изложении. Это обращение к Библии настраивает читателя на сравнение падения Иерихонских стен с падением Арзрума. Многочисленные упоминания библейских имен несут ту же функцию — сопоставление современных событий Русско-турецкой войны со всемирной историей, которая, как само летоисчисление, начиналась с Библии. Ермолов

...недоволен "Историей" Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу (VI, 642).

Пушкин описывает разные ситуации, связанные с Русско-турецкой войной, встречи со знакомыми и незнакомыми людьми. Тут и «несколько грузин», сопровождающих арбу с телом Грибоедова, и друзья юности — Вальховский, Раевский, Бурцев, Михаил Пуцин, новые знакомые — Паскевич, Симонич, кабардинский князь Бей-Булат, казаки, персидский принц, поэт Фазил-хан. Пленные турки — Сераскир, Осман-паша. Татарин-банщик безносый Гасан и арзрумский дервиш. Тут и разные народы, буквально «дванадесять языцев». Описывает их образ жизни и обычаи — калмыцкую пищу и осетинские похороны, нравы грузинские и армянскую деревню, тифлисские серные бани и турецких пленников, которые никак не могут привыкнуть к черному хлебу. Военный лагерь и дворец сераскира. Харем и чумный госпиталь. Автор несколько остраненно описывает различия в обычаях разных народов. Пушкина интересует связь рели-

гиозной и повседневной жизни. Тема сакрального последовательно проводится автором в отборе эпизодов [1, 342—348]. В приложение к «Путешествию» Пушкин помещает очерк о верованиях курдской секты езидов.

Религиозность Пушкина 30-х годов глубока и прикровенна. Она вытекает из историсофских размышлений поэта и выступает как новая стадия описания личностей и народов. В «Путешествии в Арзрум» — находим следующую за этнографизмом стадию объяснения мира, азиатских народов. Если в «Кавказском пленнике» Пушкин использует отдельные неизвестные читателю слова типа «сакля», «шашка» или «кумыс» и дает им объяснения в примечании, то в «Путешествии в Арзрум» его интересует то, что стоит «за» этнографизмом, что является причиной более глубокой мотивации поведения разных этносов. А это — религиозный аспект. Одновременно с «Путешествием в Арзрум» Пушкин пишет «Песни западных славян», где есть и Иисусова молитва, и тема нетварного света, и мотив пророчества в первом и последнем стихах цикла. Ему предшествует кавказский цикл, со стихотворениями «Монастырь на Казбеке» и «Кавказ», где изменение авторской точки зрения соответствует дням творенья в книге Бытия, а стилистика стихотворения близка к изображению пейзажа в иконописной традиции. Одновременно с «Путешествием в Арзрум» Пушкин работает над переложением первых глав библейской Книги Юдифь («Когда владыка ассирийский»), молитвы Ефрема Сирина («Отцы-пустынники и жены непорочны»), житием великого грешника (по удачному определению Ирины Сурат) [7, 187] — стихотворением «Родрик» («На Испанию родную»), переложением повести «Путь паломника» Баньяна — «Странник». Мы видим, что религиозная проблематика пушкинского творчества этих лет нарастает, «Путешествие в Арзрум» строится на библейских ассоциациях.

Зеркало пушкинской лирики позволяет прочесть «Путешествие в Арзрум» с точки зрения религиозной проблематики. Если рассматривать «Путешествие» на фоне целостного творчества Пушкина тридцатых годов, в лирике раскрывается тема греха и крепости веры и как следствие последней —

победоносности, неприступности города и государства. В стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят», приписанном поэту-янычару Амину-Оглы, Пушкин дает противопоставление Стамбула, который погряз во грехе и «отрекся от пророка», — нагорному Арзруму. Но, несмотря на верность заветам своей религии, город завоеван русскими войсками. Существует одна правда. Мир нехристианский — это мир греха, будь то языческий мир или мусульманский. Пушкин помещает эпизоды, посвященные теме греха, — посещение гарема, описание гермафродита и др. — рядом со стихотворением янычарского поэта.

Крепость границ империи зависит от отношений с покоренными народами. Пушкин трезво оценивает реальность отношений России с Востоком. Он серьезно осведомлен об истории горских народов. Кавказ не так давно принял магометанскую веру. Черкесы

...были увлечены деятельным фанатизмом апостолов *Корана*, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре (VI, 648).

Пушкин отвечает на вопрос, поставленный Грибоедовым и поэтами-романтиками: «Русь, зачем воюешь ты / неприступны высоты?»⁵ Он верит в цивилизаторскую миссию России.

Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из вольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба *мирных* черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал... Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщениа крови (VI, 647—648).

Что же с точки зрения автора «Путешествия в Арзрум» может послужить разрешению этого конфликта? Не воинская доблесть или экономические санкции.

Должно однако ж надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией,

принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедь Евангелия... Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лени в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты» (VI, 648—649).

К сожалению, эта глубоко продуманная пушкинская программа, венчающаяся проповедью Евангелия, до сих пор не осознается как его взгляд на основание конкретной политики. Современный исследователь Н. В. Маркелов в книге «А. С. Пушкин и Северный Кавказ», пишет: «В первой главе "Путешествия в Арзрум" поэт набросал конспективный план покорения Кавказа, высказав сначала стратегически разумные соображения о перекрытии кислорода, а окончив, увы, наивными прожеками о пользе самовара и христианских проповедей» [6, 166]. После чего идет приведенная нами выше цитата о проповеди Евангелия как наиболее действенного средства политики. Тем не менее (книга вышла уже в XXI в., в 2004 г.) Маркелов называет это «наивными прожеками». Современный знаток Северного Кавказа считает, что это утопический путь. Думается, что позитивистские взгляды современного автора не позволяют ему понять целостного восприятия Пушкиным кавказских проблем, если разумными называются только дипломатический и экономический аспекты.

Но для поколения русских людей того времени и самого Пушкина религиозность была вопросом практической политики. Это была выношенная позиция. В черновиках сохранился выразительный пассаж, содержащий развернутую программу действий в отношении Кавказа и новых земель, присоединенных к Российской империи, описания просвещения как христианизации:

Есть наконец средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века, но этим средством Россия небрежет: проповедание Евангелия. Терпимость сама по себе вещь хорошая, но разве апостольство с нею несовместно? Разве истина дана для того, чтобы скрывать ее под спудом?

Мы окружены народами, пресмыкающимися во мраке детских заблуждений, и никто еще из нас не подумал препоясаться и идти с миром и крестом к бедным братьям, донныне лишенным света истинного. Легче для нашей холодной лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты. Нам тяжело странствовать между ими, подвергаясь трудам, опасностям по примеру древних апостолов и новейших римско-католических миссионеров.

Лицемеры! Так ли исполняете долг христианства? Христиане ли вы? С сокрушением и раскаянием должны вы потупить голову и безмолвствовать... Кто из вас, муж Веры и смирения, уподобился старцам, скитающимся по пустыням Африки, Азии и Америки, в рубищах, часто без крова, без пищи, но оживленны <м> теплым усердием и смиренномудрием. Какая награда их ожидает? Обращение рыбака или странствующего мальчика, или семейства диких, или бедного умирающего старца, нужда, голод, иногда мученическая смерть. Мы умеем в великолепных храмах спокойно блистать велеречием, упиваться похвалами слушателей. Мы читаем светские книги и важно находим в суетных произведениях выражения предосудительные. Предвижу улыбку на многих устах. Многие, сближая мои калмыцкие нежности с черкесским негодованием, подумают, что не всякой <и> не везде имеет право говорить языком высшей истины. Я не такого мнения. Истина, как добро Молиера, где попадает, там и берется (VI, 740—741).

Пушкин отказывается от этой великолепной прозы, написанной с романтической страстностью и энергией пророческого пафоса. Соединение документального и сакрального было характерно для литературы времен войны 1812 г., «мессианической риторики», как называет ее Б. М. Гаспаров. Тогда война, конкретные сводки с поля боя осмысливались как апокалиптическая битва с Денницей, антихристом, объединившим под своим началом двенадцать языцев. «Пушкин не "принимает" систему апокалиптических образов (а вместе с ней и более общую неоархаическую ориентацию) и не "отвергает" ее, как это делали различные его современники. Воспринятый им в ранней юности поэтический материал не откладывается в определенную ячейку его поэтического мышления, но органически развивается, сплавляется с но-

выми жизненными и поэтическими впечатлениями, проецируется на все новые тематические и жанровые задания и на развивающееся, становящееся все более сложным и зрелым мироощущение поэта» [3, 110].

Думается, что для Пушкина, в первый раз оказавшегося на войне, могли актуализироваться эти образы. Но он ищет свою интонацию и стилистику. Язык «Путешествия в Арзрум» предвосхищает метод Л. Н. Толстого в изображении войны как обыденного дела, как события трагического, но лишённого риторики. Описывая лаву казаков, Пушкин находит уместным передать слова одного из казаков. На вопрос «много ли турок?», он отвечает «свиньем валит, ваше благородие», задавая поразительную многозначность экспрессивному слову. Здесь и презрительное отношение к врагу, турки — свиньи для казаков. И связь с запретом есть свинину мусульманам. И переданное диалектным синтаксисом, зримое описание лавины турецкого войска, которое отсылает к бесам, вселившимся в стадо свиней, бросившихся в Гадаринское озеро.

Библейские и евангельские ассоциации, заключенные в мотивных ассоциациях, числовой символике, метафорах, держат сюжет. (Подробнее см. нашу статью «Библейский пласт "Путешествия в Арзрум" А. С. Пушкина [1, 342—348]. Мысль об укорененности в языке и распространенности Евангелия Пушкин формулирует в статье «Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико» (напечатанной, как и «Путешествие в Арзрум», в «Современнике»), называя его *пословицею народов*.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов*; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется евангелием, — и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие (VII, 443).

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин реализует мысль, высказанную в начале тридцатых годов:

Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада (VII, 14).

«Путешествие в Арзрум», как и поздняя лирика, на уровне жанра, дает образец соединения нескольких жанровых форм. А. Гаджиев, автор диссертации «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина и русская очерковая проза второй половины 20—30-х годов XIX века», считает, что это «цикл очерков, объединенных вокруг поездки» [2, 5] или же очерк, соединяющий этнографический, батальный и ориентальный варианты очерковой литературы. Убедительно показав, что Пушкин отказывается в «Путешествии в Арзрум» от сентименталистского и романтического стиля путешествий, автор делает достаточно расплывчатый вывод о том, что это реалистический путевой очерк. При этом из поля зрения исследователя выпадает соотношение религии и истории, библейская и евангельская проблематика (диссертация была защищена в 1973 г., в советское время в кузнице идеологических кадров — на факультете журналистики МГУ) и не осмыслена традиция средневековой древнерусской литературы, из которой возник путевой очерк. В хождениях, в отличие от других жанров древнерусской литературы, наиболее выражено авторское начало, при том, что автор описывает не себя, а впечатление, которое производит Святая Земля и другие святыни на благочестивого паломника. «...Хождение представляется единственным в восточнославянском средневековье церковным жанром, где эмпиризм описания (скрупулезность в передаче мельчайших деталей изображаемых предметов) не только допускается, но является жанровой необходимостью, причем в данном и, пожалуй, единственном случае оправдан богословски» [5, 190], — пишет Л. Левшун.

«Путешествие в Арзрум» является глубоко новаторским произведением. Изображение войны и документальные внелитературные — статистические, исторические, географические и т. д. — включения в ткань художественного произведе-

ния, тормозящие движение сюжета, нашли отражение в стиле романа-эпопеи Л. Н. Толстого. Опыт пушкинского свободно-го описания, временной ретардации и движения в пространстве, в сочетании с точностью деталей, дал в XX в. такие разные современные хождения, как «Путешествие в Армению» О. Мандельштама и «Путешествие на Афон» Б. Зайцева.

Примечания

- ¹ Здесь и далее цит. по: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.-Л.: Изд. АН СССР (Пушкинский Дом), 1949. Номер тома и страницы указывается в круглых скобках после цитаты.
- ² «Но я советовал бы всем изучающим Пушкина принять к руководству двойное правило: слепо, даже суеверно верить всем его сообщениям — и н и к о г д а не верить его указаниям о цели его сообщений. В рассказе о фактах Пушкин, можно сказать, принудительно правдив до щепетильности; выдумывать он не мог, даже если бы хотел, потому что тогда его перо писало бы плохо — плохие стихи или плохую прозу. Но ровно так же он был неспособен раскрывать до конца или ясно высказывать свои замыслы, свои постижения и предчувствия — “мечтанья неземного сна”, потому что они и не могут быть выражены ясно; если бы он пытался делать это, его стихи и проза были бы плоски. Он сплошь и рядом утаивает или даже умышленно прячет концы в воду» [4, 124].
- ³ Летопись жизни творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т. 1. 1799—1824. М.: Слово / Slovo, 1999. С. 140.
- ⁴ Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб, 1899—1909. Т. II. С. 274.
- ⁵ Грибоедов А. С. Хищники на Чегеме // Грибоедов А. С. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. С. 342.

Список литературы

1. *Багратион-Мухранели И. Л.* Библейский пласт «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина // XI Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. 452 с.
2. *Гаджиев Агиль Джафар Оглы.* «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина и русская очерковая проза второй половины 20–30-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1973. 25 с.
3. *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 27. 398 с. (Серия «Современная западная русистика»)

4. Гершензон М. О. *Мудрость Пушкина*. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. 230 с.
5. Левшун Л. В. *История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв.* Минск: Экономпресс, 2001. 352 с.
6. Маркелов Н. В. А. С. *Пушкин и Северный Кавказ*. М.: Гелиос АРВ, 2004. 256 с.
7. Сурат И. З. «Родрик»: житие великого грешника // *Новый мир*. 1997. № 3. С. 187–199.

Irina Leonidovna Bagration-Mukhraneli

*Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of
Linguodidactics and Intercultural Communication,
Faculty of Foreign Languages,
Moscow Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russian Federation)
mybagheera@mail.ru*

"THE LANGUAGE OF THE HIGHEST TRUTH...": PUSHKIN'S ATTITUDE TO THE GOSPEL IN HIS JOURNEY TO ARZRUM

Abstract: The article deals with the Christian code of Alexander Pushkin's *Journey to Arzrum*, which is a style forming factor for the whole story, featuring a large thematic diversity. The genre of this book is similar to Old Russian pilgrimage stories. It includes an ethnographic sketch, a battle, Oriental and situational impressions of moving in space. All these are balanced with the biblical names and allusions, as well as the existential experience of the sacred. According to Pushkin, the Gospel is the foundation for real politics and an effective means of annexation of the Caucasus to the Russian Empire. *Journey to Arzrum* had an impact on the image of the war created by Leo Tolstoy in his *War and Peace*, as well as on the creation of such pilgrimage stories of the 20th century as *A Journey to Armenia* by Osip Mandelstam and *A Journey to Mount Athos* by Boris Zaytsev.

Keywords: Gospel, historical concept, war, the Caucasus, border, subtext, style, series of essays, travel genre, pilgrimage story

References

1. Bagration-Mukhraneli I. L. Bibleyskiy plast «Puteshestviya v Arzrum» A. S. Pushkina [Biblical Level of Alexander Pushkin's "Journey to Arzrum"]. *XI Ezhegodnaya Bogoslovskaya Konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Instituta* [Proceedings of the 9th Annual Theological Conference of Orthodox Saint Tikhon Theological Institute]. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University Publ., 2001. 452 p.

2. Gadzhiev Agil' Jafar Ogli. «*Puteshestvie v Arzrum*» A. S. Pushkina i russkaya ocherkovaya proza vtoroy poloviny 20–30-kh godov XIX veka: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Alexander Pushkin's "Journey to Arzrum" and Russian Essay Prose of the Second half of the 1820's and the 1830's. Ph.D. sci. filol. diss. abstract]. Moscow, MSU Publ. 1973. 25 p.
3. Gasparov B. M. *Poeticheskiy yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Alexander Pushkin's Poetic Diction as a Fact of Russian Literary Language History]. St. Petersburg, Academicheskii Proekt Publ., 1999, vol. 27. 398 p.
4. Gershenzon M. O. *Mudrost' Pushkina* [Alexander Pushkin's Wisdom]. Moscow, Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve Publ., 1919. 230 p.
5. Levshun L. V. *Istoriya vostochnoslavyanskogo knizhnogo slova XI–XVII vekov* [History of the 11th–17th Centuries Western Slavic Literary Language]. Minsk, Econompres Publ., 2001. 352 p.
6. Markelov N. V. A. S. *Pushkin i Severnyy Kavkaz* [Alexander Pushkin and North Caucasus]. Moscow, Gelios ARV Publ., 2004. 256 p.
7. Surat I. Z. «Rodrik»: zhitie velikogo greshnika [“Rodric”: Life of a Great Sinner]. *Novyy mir* [New World], 1997, no. 3, pp. 187–199.